

ДЕВЮ

фестиваль

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ ЭДИНБУРГ

Интерес Эдинбурга к Калисто Биейто довольно легко объясним. Хотя его, сравнивая с другими известными европейцами, и нельзя отнести к режиссерам первого эшелона, почерк Биейто донельзя эффектен, и про всякий его спектакль можно загодя напророчить, что он непременно повлечет за собой хоть какой-нибудь скандалчик. А для любого фестивального директора слово «скандал» что халва. На родине режиссера, на фоне унылого пейзажа, каким являет себя современный испанский театр, Калисто Биейто и вовсе держат в записных хулиганах. Пару-тройку лет назад чопорные дамы и кабальеро свистели и топали на барселонской премьере оперы Верди «Бал-маскарад» — певцы справляли малую нужду на виду у зрителей, а далее по ходу действия на сцене было даже совершено групповое гомосексуальное изнасилование. Британскую публику шокировать куда сложнее, чем испанскую, но эдинбургские афиши «Трубадура» заранее привлекают зрителя газетными цитатами («апокалиптический кошмар» и прочее) и ликующими предупреждениями: «Некоторые зрители могут быть шокированы отдельными сценами». По сравнению с прочими работами Биейто, «Селестина» — невиннейший пустяк. Всего-то два половых акта (без трусов, по-взрослому) и еще несколько коротких сеансов рукоблудия. Ни одна душа не выскочила из партера, хлопнув дверью, никто по ходу дела не свистнул и не топнул. В конце концов, дело касается не Верди (в отношении его у оперной публики почему-то наиболее сильны охранительные рефлекссы), а всего лишь Фернандо Рохаса, классика испанского ренессанса. О длинном романе Рохаса, написанном в диалогах в конце XV века, русская публика мало что знает. На ум приходит разве что наислащавейшая переделка «Селестины», предпринятая Николаем Колядой в московском «Современнике». Из старой

шлюхи и сводни, которая вообще-то представляет собой не слишком привлекательный персонаж, Лия Ахеджакова слепила тогда всеобщую мамку, трогательно отдающую себя во имя человека и на благо человека. Выдающаяся британская актриса Кэтрин Хантер в роли Селестины есть полная противоположность Ахеджаковой. Если уж подыскивать для ее работы какие-то российские аналоги, то скорее придется вспомнить какого-нибудь Армена Джигарханяна в роли Горбатого. Бритая наголо, в мужском костюме и с блатной распальцовкой, Селестина наверняка имеет на своем счету не одну тюремную ходку. Она притягивает к себе всяческое человеческое отребье, а дело, разумеется, происходит в наши дни в каком-то из подоночных баров, где круглые сутки в режиме нон-стоп крутят по телику корриду, временами перемежая ее звуками фламенко. Если Коляда в свое время «Селестину» пересластил, то Биейто, напротив, ее до невозможности переперчил, добавив много жгучих испанских специй и создав предельно грубое зрелище. В какой-то из британских газет написали даже, что Биейто обращается с «Селестиной» так, будто это ренессансный «Shopping and Fucking». Герои почему зря соревнуются в крутизне — главный из них, по имени Калисто (Кристофер Фокс), добивающийся любви прекрасной Мелибеи, не теряя ни секунды на пустую болтовню, почему-то все время отжимается от барной стойки. Однако, как бы ни превосходили мужики Селестину в физической силе, все понимают, что главный тореадор — она. Кончится коррида так, как и следовало ожидать: тореадора в конце концов поднимут на рога, а любовники, только было соединившиеся с помощью своднического искусства, погибнут вслед за ним (то есть за ней). Жаль только, что от момента смерти Селестины до конца спектакля проходит так много времени: смотреть на сцену по-настоящему интересно лишь в те минуты, когда на ней находится Кэтрин Хантер.

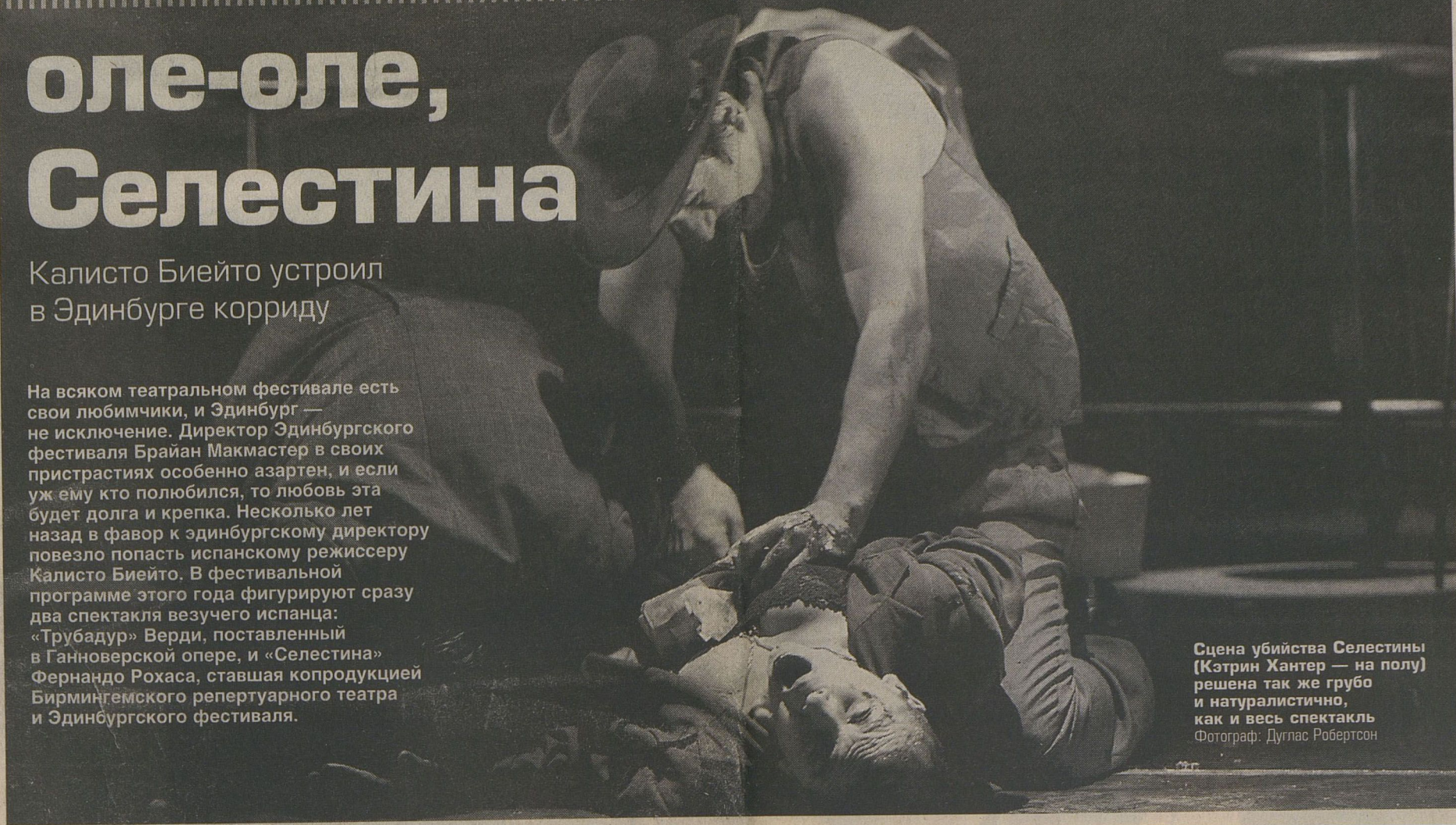
Всего-то два половых акта (без трусов, по-взрослому) и еще несколько коротких сеансов рукоблудия. Ни одна душа не выскочила из партера, хлопнув дверью, никто по ходу дела не свистнул и не топнул

«Селестина»
в Эдинбурге

оле-оле,
Селестина

Калисто Биейто устроил
в Эдинбурге корриду

На всяком театральном фестивале есть свои любимчики, и Эдинбург — не исключение. Директор Эдинбургского фестиваля Брайан Макмастер в своих пристрастиях особенно азартен, и если уж ему кто полюбился, то любовь эта будет долга и крепка. Несколько лет назад в фавор к эдинбургскому директору повезло попасть испанскому режиссеру Калисто Биейто. В фестивальной программе этого года фигурируют сразу два спектакля везучего испанца: «Трубадур» Верди, поставленный в Ганноверской опере, и «Селестина» Фернандо Рохаса, ставшая копродукцией Бирмингемского репертуарного театра и Эдинбургского фестиваля.

Сцена убийства Селестины
(Кэтрин Хантер — на полу)
решена так же грубо
и натуралистично,
как и весь спектакль
Фотограф: Дуглас Робертсон